

Николай Воронков

**НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИВИДЕНИЕ
НЕПОСЛУШНАЯ ИГРУШКА**

Николай Воронков

Непослушная игрушка

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В75

Художник
В. Бабкина

Воронков Н. А.
В75 Непослушная игрушка: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.:
ил.

ISBN 978-5-9922-1164-1

Что бы вы сделали, если бы одним далеко не прекрасным утром вашу новенькую «ауди» заменили на старую «Волгу»? А на следующий день «Волга» превратилась в «запорожец»? А потом вы оказались в тайге на лесоповале? А потом, потом, потом... Потом вы очутились в Средневековье. И не факт, что на старушке Земле.

Что же случилось? Просто некая таинственная съемочная группа вместо тысячи раз проверенного однократного переноса человека в другой мир, в готовые декорации, устроила изменение хода времени в масштабах целой планеты.

Вот только герой оказался непослушной игрушкой...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Воронков Н. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1164-1

Главное — не победа.

Главное — результат.

Часть первая

ДОРОГА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Неладное началось утром. Проснулся я как обычно, по будильнику — день ведь рабочий. Но перед зеркалом в ванной вместо привычного «Жиллет» с тремя лезвиями в стаканчике стоял обычный одноразовый станочек. С недоумением несколько минут рассматривал его. Разумного объяснения не было. Вчера я не пил, на провалы в памяти до сих пор не жаловался. Но на работу идти надо, поэтому поскребся тем, что было. Следующий удар настиг меня, когда я подошел к автостоянке. На обычном месте вместо моей новенькой красавицы «ауди» стояла двадцать первая «Волга», как две капли воды похожая на мою собственную, которую я продал лет пять назад. Внутри все оборвалось, хотелось махать руками и вопить, материть всех подряд, но я сдержался. Надо вызывать милицию, что-то делать. На всякий случай обошел машину несколько раз. Вот скоты! Мало того что подсунули «Волгу», так они еще и мои старые номера навесили! Это что, тот мужик, которому я продал машину, решил так пошутить? Угнал мою «ауди», а эту вернул?! Зачем такие сложности? Я ведь его даже не знаю. Или чтобы обиднее было? Ну я ему сейчас все выскажу... Полез в карман за сотовым, но... в кармане было пусто. Что за черт? Пришлось тащиться к охраннику стоянки и вызывать милицию по обычному телефону. Менты, других слов нет, приехали только через час. Внимательно выслушали, но первым делом наехали на меня. Разглядывая с нехорошим прищуром, начали разговор с совершенно несуществен-

ного (на мой взгляд). Есть ли у меня гараж, почему я не ставлю машину туда, почему не пользуюсь платной стоянкой. И все это с такими интонациями, словно именно я и есть самый главный преступник в этом деле. Заметив, что я начинаю заводиться уже от их тупости и нежелания работать, все же соизволили взять документы на машину, потом начали обследовать «подменыша». Неожиданно старший, читавший талон регистрации, начал багроветь. Подошел к автомобилю, заглянул под капот, потом швырнул документы на крышу машины и начал меня материть за какую-то «идиотскую шутку». Пока я пытался понять, что происходит, все сели в милицкий бобик и укатили. Я и раньше был не очень высокого мнения о милиции, а теперь и вовсе всякое уважение пропало. Вместо того чтобы расследовать воровство и защищать честного гражданина, они его (честного гражданина) матерят! Правда, непонятно, с чего они вдруг взбесились? Вроде приехали с неохотой, но за дело все-таки взялись. Так что случилось? Настороженно поднял документы, начал читать и похолодел. Документы были мои, родные, но на «Волгу»! И ключи на брелке были родные. На всякий случай сверил номера и окончательно перестал понимать происходящее. Все родное! Что происходит? Угнать «ауди» мог любой спец, «Волгу» мог вернуть новый владелец. Но номера, регистрационное удостоверение! Значит, здесь замешаны и гаишники? Скорее всего, и ПТС подменили, обреченно подумал я. Против мафии не попрешь... Звякнув на работу, что сегодня не выйду, остаток дня провел наедине с бутылкой, рассуждая сам с собой, куда катится наша страна.

Следующее утро было тяжелым, голова соображала, но очень замедленно. И я почти не удивился, обнаружив перед зеркалом станочек для бритвы с ржавым лезвием «Балтика». А вот на автостоянке меня ждал новый сюрприз — вместо «Волги» стоял «запорожец», от которого я избавился лет пятнадцать назад. Причем выглядел он чис-

теньким и ухоженным. На этот раз милицию вызывать не стал. Просто сверил номера по документам — все сходится. Звонить на работу тоже не стал — нет смысла. Если уж за меня вплотную взялась мафия или кто там еще, то жить мне осталось совсем немного. Скорее всего, шлепнут или вот такими мерами постараются довести до психушки. Непонятно только, что они с меня могут поиметь? «Ауди» они уже угнали, квартира у меня — однокомнатная хрущевка. Или мне кто-то оставил богатое наследство, о котором я пока не знаю? Но просто так я им не дам! Нужно только быть в местах, где много людей. Это тоже не гарантия, но я сейчас просто не мог сидеть на месте в одиночку.

Больше всего народу должно быть в новом районе, куда постепенно смещался центр города. Быстренько собрался, выскочил на улицу, завернул за угол дома и... Нового района не было! Его не разбомбили и не снесли, его просто не было. На месте микрорайона стоял лес, каким я его увидел двадцать лет назад, когда переехал в этот город. На всякий случай потрогав лоб, отправился в старый центр. Он тоже выглядел как двадцать лет назад. Людей немного, а одеты они были как для съемки фильма о восьмидесятых. На меня косились, будто это я был одет неправильно, а не они. Дурацкая ситуация, но постепенно в голове начала складываться версия, хоть немного объясняющая происходящее. Если верить фантастическим романам и учитывать специфику родного предприятия, то самое простое объяснение — наши чего-то не предусмотрели при очередном эксперименте, и образовался провал во времени. Но почему провалился только я? Я ведь дома спал! От всех лабораторий — несколько километров. И вообще, что мне теперь делать? При нашем режиме секретности может оказаться, что меня и в списках допущенных на территорию города еще нет. А в восьмидесятые это могло быть весьма чревато... Домой я пробирался уже как настоящий шпион — опустил глаза и

по задворкам. Хорошо хоть водка у меня в запасе была, и вечер я провел относительно спокойно, старательно накачивая себя водкой.

Все планы, которые я строил вечером на пьяную голову, утром оказались бессмысленными. Я проснулся в лесу! Лес у нас хороший, настоящая тайга. И оказаться в ней, не имея понятия о том, где ты находишься, может показаться нормальным только какому-нибудь спецназовцу. А для меня, городского жителя, равносильно смертному приговору. Поднимающуюся панику приглушил громкий мат, раздавшийся где-то невдалеке. Не разбирая дороги, бросился в ту сторону. Вывалился из кустов и уперся в... автомат. На поляне находился десяток изможденных людей в грязных замусоленных ватниках и пара солдат с автоматами. Зэки и охрана, невольно подумал я. Мне тут же скрутили руки и куда-то поволокли. Насколько я помню, наш город начинали строить зэки лет шестьдесят назад. Неужели меня так далеко забросило? Уже не удивляясь, смотрел на автоматы ППШ, старую форму солдат, бараки и колючую проволоку вокруг лагеря, куда меня привели. Потом, как водится, меня допрашивал офицер НКВД. Понимая, что правду из меня все равно выбьют, и не настоящую, а ту, которая будет нужна, сразу стал каяться. Что, мол, английский шпион, заброшен узнать координаты нового секретного завода. Офицер только успевал записывать. Потом усмехнулся:

— Если и дальше будешь так «петь», может, и отвертишься от «вышки».

Меня отвели в камеру. Ворочаясь на голых досках, прикидывал, что я буду говорить дальше. Но и это не понадобилось. Утром я снова проснулся в лесу, но никого рядом не было. Похоже, я продолжал проваливаться во времени. У, долбаные ученые, выдумают всякую хрень, а простой человек расхлебывает. Но надо срочно убираться отсюда, если не хочу проснуться в пасти какого-нибудь динозавра. Прикинув, в какой стороне должен на-

ходиться областной центр, отправился в путь. Удалось даже найти дорогу, но с каждым днем она становилась все хуже, как будто я не к центру области шел, а, наоборот, в глубь леса.

Когда я добрался, по моим прикидкам, до нашей местной столицы, то обнаружил там только небольшую деревню. Дворов сто, не больше. И это вместо города-миллионника!

Последние дни я голодал, с трудом находя грибы и ягоды. Силы у меня кончились, я привалился к ближайшему забору и отключился. Следующее утро встретил уже равнодушно — опять на пустом месте. Стало понятно, что сбежать из провала не получилось. И когда на меня поскакала группа всадников на низкорослых лошадках, бежать даже не попытался. Монголы так монголы, какая мне теперь разница? Если смогу дожить до утра, то и их, скорее всего, уже не будет. Один уже замахнулся на меня саблей, как вдруг все вокруг замерло и подернулось дымкой. Будто из ниоткуда возникло трое человек, подошли ко мне, оглядели, а потом стали разговаривать, больше не обращая на меня внимания. Все лысые, в каких-то странных одеждах. Старший лет под пятьдесят, остальные лет по тридцать.

— И что здесь происходит? — начал старший.

Молодые переглянулись.

— Мистер Эли, мы решили испробовать новую, более мягкую методику подготовки объекта для съемок.

— И в чем же ее новизна по сравнению с традиционной?

— Видите ли, мистер Эли, при обычной методике объект переносится на новое место мгновенно, испытывает стресс и на непривычные условия реагирует не всегда адекватно. Вот мы и решили сделать перенос постепенным, давая объекту возможность адаптироваться, свыкнуться с постоянными небольшими переменами. Тем более что по плану у нас сценарий с переносом героя в

Древнюю Русь. Заодно хотели поснимать пробные ролики по поведению героя в различных временных эпохах. А вдруг это будущая звезда экрана?

— И как, получается? — по-прежнему холодно спросил старший.

Молодые понурились.

— Объект оказался недостаточно устойчив психически. К концу второй недели вообще перестал реагировать на перемены, теряет интерес к жизни. Вы же сами видите...

— А вы не подумали, крысохвосты, что вместо обычного выдирания зуба вы растянули его *вытягивание* на целую неделю? Сомневаюсь, что вообще найдется человек, способный выдержать это и не тронуться рассудком. И вместо стандартного, тысячи раз проверенного однократного переноса человека в другой мир, в готовые декорации, вы устроили изменение хода времени в масштабах целой планеты!

— Мы хотели как лучше, думали сделать настоящие натурные съемки, — еще ниже склонили головы молодые.

— А о смете вы не подумали? Куда мы будем списывать эти затраты?

— Как куда? — не поняли молодые. — На подготовительные работы.

— Не будет фильма! — взорвался старший. — Во всяком случае, про Древнюю Русь. Спонсор передумал и решил делать классическое фэнтези в средневековых декорациях. Планета уже выбрана, статисты собраны. Так что собираемся и перебазироваться туда.

Он нехорошо прищурился:

— А расходы за несанкционированный поворот времени и дальнейшее восстановление нормальной жизни планеты будут за ваш счет!

Видимо, это было серьезной угрозой, так как молодые

совсем поникли. Старший с минуту в полной тишине сверлил их взглядом, потом сжалился:

— Ну зачем выдумывать новое, когда есть хорошо проверенное старое? Удар молнией, ножик под ребра, камнем по голове, наконец. Для женщин последнее время стал модным вариант «Анна Каренина». Эх, молодежь!

Он огляделся по сторонам, подобрал камень и направился ко мне.

— Мистер Эли, — вскинулся один из молодых, — но это не эстетично!

— Зато дешево, надежно и практично! — отмахнулся старший. — Где я вам сейчас гопников посреди степи искать буду? Раньше надо было думать. Падение и удар снимем с дублером, а на дальнейшей съемке герой должен выглядеть натурально, с настоящими синяками и кровоподтеками.

Он подошел, постоял, взглядываясь в меня и поигрывая камнем.

— Ты, мужик, не обижайся, накладки бывают в любом деле. Раз уж ты оказался в нашем деле, придется тебе и дальше сниматься. Сейчас я тебе врежу, очнешься в другом мире, героическом. Память последних двух недель мы тебе сотрем, сделаем ложную. В качестве компенсации за моральный ущерб подкинем тебе боевых навыков и способностей к магии с хорошим запасом. Ну а дальше, извини, все строго по сценарию: героические подвиги, романтическая любовь. Девочки у тебя будут — качаешься.

Я начал было открывать рот для ответа, но он меня перебил:

— Хватит разговоров, мы и так уже отстаем от графика!

И со знанием дела врезал мне камнем по голове. Пришлось вырубиться...

Очнулся я в лесу. Голова раскалывается, во рту привкус крови. С трудом сев, стал оглядываться...

Первое впечатление, что все вокруг было залито кровью. Даже воздух пропитан ее характерным запахом. Я находился на большой поляне, вокруг в самых диких позах лежала пара десятков мужских тел. Человек пять были в чем-то вроде единой военной формы: одинаковые штаны, сапоги, кольчуги. Остальные — кто в чем, но почти у всех оружие. Всякие там сабли, мечи, топоры. Невольно оглядел себя и увидел ту же форму, что и у военных. Странно. Я понятия не имел, каким образом здесь оказался и почему на мне форма. Преодолевая накатывающую дурноту, попытался хоть что-то вспомнить. Вот у меня какие-то проблемы, я торопливо заворачиваю за угол дома, затем какая-то вспышка... И все. Что же произошло? Если судить по яркости вспышки, то это вполне могло быть срабатыванием одного из наших изделий. Неужели кто-то уронил молоток, а оно и жажнуло? Бред, конечно, но такой фантастический сюжет дает хоть какое-то объяснение. Раньше любили писать такие ужастики — атомный взрыв, и пожалуйста в другое измерение, время и... вообще неизвестно куда. Сказки, конечно, но больше вариантов пока не было. Гадать можно долго, но для начала надо собрать хоть какую-то информацию. Через несколько минут удалось встать прямо. Еще раз огляделся и обратил внимание на положение тел — они лежали группами. На противоположном конце поляны лежал десяток вперемежку, в форме и без. А вокруг меня — только без формы. И порублены они были весьма основательно. Не знаю, кто это сделал, но встречаться с подобной машиной смерти мне бы очень не хотелось, и я на всякий случай даже поднял с земли ближайший меч. Постоял немного, пытаюсь сообразить, в какую же сторону теперь идти. Потом сквозь шум в ушах различил какие-то голоса невдалеке. Мне бы, дураку, пойти в противоположную сторону, но такие умные мысли обычно приходят

потом, когда самое плохое уже случилось. А у меня в тот момент было только одно желание: хоть что-то понять в происходящем.

Пошатываясь, потихоньку прошел сквозь невысокие кусты и оказался на следующей поляне. Увиденное меня не обрадовало. В центре стоял массивный мужик и что-то повелительно-издевательски говорил стоящей перед ним женщине. Вокруг них еще с десятков мужиков, беспорядочной одеждой и оружием очень похожих на тех, с первой поляны, без формы. У многих окровавленные повязки. Разговор, видимо, был такой увлекательный, что меня заметили, только когда я подошел почти вплотную. Но затем действовали быстро: выхватив оружие, окружили меня. Главный с женщиной отреагировали почти одинаково — оба удивились. И слова сказали почти одинаковые. Женщина: «Ты жив?» Мужик: «Ну и живучий же, гад! А мы уж надеялись, что прихлопнули тебя. Ничего, сейчас мы это быстро исправим». Подал знак, и у меня в голове будто что-то взорвалось.

Следующее «пробуждение» было еще хуже, чем первое: голова готова был лопнуть от боли. Пытаясь просто пошевелить глазами и открыть их, я даже застонал. Потом к этому «удовольствию» добавилось еще несколько пинков по ребрам.

— Просыпайся, просыпайся, Гордан, солнышко уже высоко!

Я попытался сесть, но понял, что руки и ноги связаны. Когда удалось повернуться на бок, то смог разглядеть только пыльные сапоги главаря. Тот присел на корточки:

— Несколько вопросов к тебе. Ты не против поговорить?

У меня хватило сил только что-то промычать.

— Вопрос первый: как ты умудрился снова стать живым? Я ведь лично проверил, что ты мертв, когда нам удалось тебя завалить. И раны у тебя были страшные, после

таких не живут. А сейчас ты как огурчик — от ран почти не осталось следов, только голова разбита. Как это понимать? Ты случайно не какое-нибудь мертвие? Ты уж признайся, мы тебя снова убьем, но уже по-особому, с гарантией.

— Не знаю, я в отключке валялся. Это ты был здоровый и в памяти, тебе и решать, что произошло.

— То есть ты не против, если мы тебя убьем?

Пришлось промолчать.

— Вопрос второй: где драгоценности?

— Какие еще драгоценности?

— Ну там алмазы, рубины, жемчуг. Твоя госпожа, когда ее об этом спросили, видимо, решила, что раз ты мертвый, то тебе уже все равно, — на тебя пальцем и показала, что, мол, все ценности были у тебя. Может, и соврала, но при ней мы ничего не нашли, так что отвечать придется тебе.

— Не знаю, о чем ты вообще говоришь.

— Не зна-аешь, — задумчиво протянул главный. — Примерно такого ответа я и ожидал. Но, сам понимаешь, я должен в этом убедиться. И первое, что напрашивается, — это пытки. Ты как, не против?

Меня такая издевательская вежливость начинала бесить, но связанные руки и ноги не очень способствовали ответным колкостям. Главный повернулся к остальным:

— Эй, Хамзыс, готовь инструмент!

Один из подручных кинулся куда-то в сторону, а к главному не менее поспешно подбежал еще один:

— Данаор, давай попробуем одну штуку!

— Какую еще «штуку», Зилип?

— Да я тут недавно у проезжего мага купил «эликсир правды». Давай попробуем?

— А что он делает?

— Маг сказал, что это какая-то особая, еще не до конца проверенная смесь, которая прочищает человеку мозги, заставляет вспомнить даже то, что хотелось бы забыть.

И он после этого говорит только правду. Но маг предупредил, что человек может и сойти с ума.

— Так зачем нам это? А если мы угробим Гордана?

— А если эликсир работает и следующих купцов не придется пытаться, а достаточно будет только «спросить»? В крайнем случае, обычные пытки мы всегда успеем попробовать.

Главарь задумчиво посмотрел на меня:

— Такого, как Гордан, пытать придется долго. И очень может быть, что он сдохнет быстрее, чем что-то скажет. Ладно, давай попробуем твой эликсир.

Меня придавили коленкой к земле, зажали нос и влили в рот какую-то гадость.

— И сколько теперь ждать?

— Маг сказал, что примерно час.

— Ладно, подождем.

Бандиты отошли, а у меня в голове начало происходить что-то странное. Для начала как будто подуло морозным ветром. Потом в голове замелькали невероятно яркие картины из моего прошлого. Зилип не соврал: вспомнилось даже то, что я предпочел забыть. Даже имя девочки, которую я тискал в темном подъезде в далеком детстве. Потом скорость «воспроизведения» замедлилась. Вот я подхожу к углу дома... но никакой вспышки не было! Был провал во времени, киношники, разговоры про съемки фэнтезийного фильма. Потом какая-то лаборатория, непонятные приборы, чье-то окровавленное тело, лежащее на соседнем столе. И разговоры, разговоры, разговоры... Про необходимость внушить ложную память, про переделку моего тела под параметры неведомого Гордана, про частичный перенос его памяти... Потом хлынули воспоминания и самого Гордана. Оказалось, что не такой уж он и простой воин. Какие-то славные предки, обучение в особых школах, специальные задания. Про драгоценности ничего не было, но вместо них было что-то связанное с нанесением на мое тело то ли рисунка, то

ли какого-то заклинания (как у Гордана). Помнится, киношники хихикали над ним и собирались доработать, сделать гораздо сильнее и интереснее.

И вдруг, как удар молнией, осознание, что меня, вернее, моего прежнего тела нет. И за всеми этими фэнтезийными бреднями — всего лишь смесь высоконаучных фокусов, новые технологии съемки. Остановили время, взяли тело убитого Гордона, скопировали мне его параметры и частично память, добавили ложные воспоминания. Теперь снимут киношку на натуре, смонтируют, и будет классическое фэнтези про попаданцев. А главным героем стану я, лишенный собственного тела для «правдоподобия переноса»! Мир вокруг стал чернеть от осознания ужаса произошедшего.

Похоже, время, отпущенное для наведения порядка в мыслях, кончилось. Данаор подошел ко мне и издевательски-участливо спросил:

— Ну что, в мозгах прояснилось?

Я невольно кивнул.

— Так где драгоценности?

— Не было никаких драгоценностей.

Тут же получил несколько ударов по морде.

— Хорошенько вспоминай — где драгоценности?

— Да пошел ты, если тупой и простых слов не понимаешь!

Данаор покосился на Зилипа, который с интересом слушал наш разговор. Потом подошел к женщине. Леди Верона — тут же всплыло в памяти. У меня был приказ сопровождать ее с пятеркой воинов.

Главарь усмехнулся, потом схватил женщину за волосы, резко отогнул голову и приставил нож к ее горлу.

— А если я попрошу?

Я только мотнул головой — нет.

Главарь снова усмехнулся, немного посильнее нажал на нож, и по шее женщины побежала струйка крови.

— А если так?

Я напрягся, но потом вспомнил, что это только кино и меня хотят заставить действовать по сценарию. Улегшись поудобней, насколько это было возможно, постарался изобразить радушную улыбку.

— Да хоть совсем прирежь, если это тебе доставит удовольствие!

Реакция окружающих меня порадовала — все устались на меня в полном недоумении. Главварь отпустил женщину, и та тоже смотрела на меня совершенно круглыми глазами. Главный покосился на помощника:

— Ты чего ему дал, придурок?

— Как что? Эликсир памяти и правды. Он теперь говорит то, что знает, помнит и чувствует на самом деле.

— Ты хочешь сказать, что один из лучших воинов, телохранитель, на самом деле мечтает, чтобы мы прирезали его хозяйку, которой он служил верой и правдой? — Он повернулся к женщине. — И что же ты, дура, ему такое сделала, что он желает тебе смерти?

Та была в таком недоумении, что в ответ на вопрос только пожала плечами. А меня понесло:

— Что, ребята, поломал я вам сценарий? И ничего теперь у вас не получится! Ни одной сцены, ни одного эпизода! В этом я вам теперь не помощник, выкручивайтесь сами как сумеете!

Главварь подошел и как-то равнодушно врезал мне по губам. Удар не столько болезненный, как обидный. Я вообще взбеленился, внутри стала подниматься волна бешенства.

— Ах ты, ублюдок! Рот решил мне заткнуть? Не выйдет! — непонятно как, связанный по рукам и ногам, я все-таки умудрился вскочить на ноги. Закрутил головой, пытаюсь высмотреть кинокамеры, и заорал: — Люди! Товарищи! Господа! Не верьте тому, что вам здесь собирались показывать, — это все подстроено! И эти «люди» — не настоящие, это специально подобранные актеры. Но

я в этом не собираюсь участвовать. Если кто может, позвоните в милицию, пусть придут меня спасать!

Главарь хотел еще раз врезать мне, но я в бешенстве напрягся, вырвал из веревок одну руку и сам врезал ему:

— Не трожь, падла! Я сам вас всех здесь замочу!

Теперь ко мне бросились уже несколько человек. Что удивительно, даже связанный, с одной свободной рукой, я умудрился пару раз врезать по противным рокам. Но долго не продержался — меня просто опрокинули, задавили весом тел. Я бил уже коленями, головой, непонятно чем, на губах выступила пена.

Когда меня наконец спеленали, как кокон гусеницы, а через рот завязали кусок веревки, я, поняв бесполезность сопротивления, мгновенно успокоился, ожидая, что на мне сейчас начнут отыгрываться. Но на лицах мужиков, обступивших меня, радости и злорадства не наблюдалось. Наоборот, смотрели на меня хмуро, даже с некоторым страхом. Общее мнение озвучил главный:

— Похоже, по голове ему досталось гораздо сильнее, чем мы думали. А тут еще ты, Зилип, со своим эликсиром! Вот у человека крыша и поехала. Кто-нибудь понял хоть одно слово из того, что он говорил? Жалко, если завтра он вообще превратится в идиота. Хороший боец, пятерых точно стоит. Если бы у меня в отряде все были такие... Ладно, завтра решим, что делать дальше.

Постепенно лагерь угомонился, все улеглись у костров. Про меня словно забыли — ни пожрать, ни напоить. И чем больше меня пробирала вечерняя прохлада, тем более неприятными становились мои мысли. Вырваться с этой «съемочной площадки» не получилось. Милиция не приехала, камеру не выключили, «стоп» не сказали. Какие выводы? Никаких. После эликсира я в своей памяти почти уверен. И если воспоминания не ложные, то тогда понятно, как я здесь оказался. Но почему меня не отругали сразу, как только я стал орать про «съемку»?

То, что камер я не видел, еще не означает, что их нет. Все вокруг реагировали достаточно натурально, изображая непонимание. Возможно, эта группа — не профессиональные актеры, а привлеченные статисты (местные), которым не сказали всей правды. И съемку не остановили, потому что потом всегда можно сделать монтаж, вырезать неудачные куски. Я подергаюсь, решу, что это мои бредни, и послушно начну работать по их сценарию. А что, новое тело они мне дали, умение драться тоже. Дальше любовь красивой женщины, подвиги во имя... *А вот хрен им!* Меня аж перекорежило от нового приступа бешенства. Да я лучше сдохну, чем буду собачкой на коротком поводке, красивым правильным героем! Реалистичное кино захотели? Без косяков и накладок? Ну так я вам его устрою!

Когда утром ко мне подошел главный, вытащил кляп и спросил: «Что решил, берсерк?» — я был мрачен и спокоен.

— Возьмите меня к себе в банду.

Данаор отреагировал спокойно:

— А с чего это вдруг такие мысли?

— Надоело быть хорошим!

— Хорошим? — Данаор заржал. — Ты хоть сам-то сможешь вспомнить, сколько людей убил?!

Невольно я стал копаться в памяти, молчание затянулось.

— Вот-вот! Да я со своими мужиками — невинные овечки, мелочь по сравнению с тобой. Придумай другую причину.

— Денег хочу, много!

— Снова неправильный ответ. Боец ты отличный, таких ценят и платят им не скупясь. Нужды в деньгах у тебя быть не может. И нам грабежом столько не заработать. Еще подумай.

Я скрежетнул зубами:

— Поквитаться надо кое с кем.

— Вот это что-то похожее на правду. Только как ты собрался это делать? Брать всю власть под себя?

— Власть мне не нужна. Мне достаточно, если вы можете в нужный момент.

— А вот это уже почти правда, можно подумать.

Данаор собрался уходить, и я, краснея, заторопился:

— И еще, это... Мне бы умыться и в кустики сходить...

Данаор усмехнулся:

— Пока твоя судьба не решится, мне на твою внешность плевать. А в кустики... это можно. Только учти, доверия тебе нет. Неловкое, неправильное движение, и из тебя сделают ежика. Я даже ругать своих за такую ошибку не буду. Учти. И раз уж ты просишься в банду, первое поручение — будешь сторожить леди Верону. Если сбежит — сразу повешу. Ясно?

Я кивнул.

Меня развязали, но перед этим забрали сапоги и надели на ноги... не знаю как и сказать... Кандалы? Короче, цепь с кольцами на концах из железных полос. Замки примитивнейшие, что-то вроде полых трубок со вставленными штырями, но голыми руками не открыть. Первым делом я сбежал в кусты, затем попытался немного отмыться. Кольчугу, превратившуюся в драные железные лохмотья, просто выкинул. Одежда скрипела от засохшей крови, но особо упираться со стиркой не стал — неизвестно, сколько мне жить осталось. Первым делом напился вволю, а уж потом смыл особо большие и противные сгустки крови. Куртка, да и штаны были сплошь в порезах, сквозь которые виднелись чуть затянувшиеся раны, но менять не на что, так зачем забивать себе голову? Жив, напился — уже хорошо. Тем более что после водных процедур стало значительно легче.

Мне, как собаке, бросили нечто вроде коврика у входа в палатку леди Вероны, разве что «Охранять!» не ско-

мандовали. Парочку бандитов выделили уже для того, чтобы сторожить меня. Оба настоroje, оба не спускают с меня глаз, но пока это меня не особо волновало. Главное, я обрел хоть немного свободы.

Ночь прошла в бесплодных размышлениях — правильно ли я поступаю, но других вариантов пока не видел. Утром пришел Данаор, сказал, что хочет получить за леди Верону выкуп, заодно и за меня. Собственноручно написанное письмо леди Вероны тут же отправили с одним из бандитов к ее родне, и потянулись дни ожидания.

Если бы не оружие и окровавленные повязки, банду можно было принять за артель, отправившуюся в лес по каким-то делам. Неторопливые движения, приготовление еды, заготовка дров, починка одежды. Но взгляды... Вроде не угрожающие, но чувствовалось, что убить человека для них — дело простое.

Леди Верона старалась не выходить из палатки, я маялся от безделья и нехороших мыслей. Может, меня и выкупят за компанию, а скорее всего, нет. Данаон мне не доверяет совершенно, и, судя по его взглядам, живым мне отсюда не выйти. А что я могу ему противопоставить? Оружия нет, ноги скованы. Вот я и бродил вокруг палатки Вероны, бурча себе под нос разные нехорошие слова и прикидывая варианты. Потом как-то обратил внимание на камень необычной формы — нечто, напоминающее песочные часы. Я прошел мимо него раз десять, прежде чем в голове что-то щелкнуло. Подобрал его, долго рассматривал, потом подошел к палатке.

— Леди Верона, можно обратиться к вам с просьбой?

Та вышла, насторожено глядя на меня — Данаор, неплохо улыбаясь, уже рассказал ей о моей просьбе вступить в банду.

— Что вам, Гордан?

— Не могли бы вы одолжить мне шнуровку от одного из ваших платьев?

— Зачем?

— Хочу сделать себе игрушку.

Взгляд стал не пойми какой, но через минуту желанный шнур мне выдали. Быстренько закрепил его на камне, обмотал, сделал на другом конце шнура петлю для пальца. Когда весьма специфически выглядящий «йо-йо» загудел, раскручиваясь и скручиваясь, я был почти счастлив. Через час мое изобретение достало всех — стараясь приноровиться к его весу, скорости, балансу, я гонял его вверх, вниз и в стороны непрерывно. Охрана сначала насторожилась, но, видя, что я просто гуляю с ним, о чем-то сам с собой беседуя, наверное, решила, что у меня поехала крыша. И ругалась только тогда, когда я приближался к ним слишком близко, раздражая завыванием своей игрушки. Меня подобное мнение вполне устраивало — главное, что у меня появилось оружие для ближнего боя. Но подойти близко мне не дадут — лучник, приглядывающий за мной, все время настороже. Похоже, у меня в определенных кругах есть некоторый авторитет. Надо придумать что-то и для лучника, что-то стрелятельно-метательное. Но железа рядом ни кусочка. Можно использовать камни, но вряд ли мне дадут безнаказанно таскать их с собой полные карманы. Взгляд упал на одну из разновидностей кустов на краю поляны. Подошел, попробовал на изгиб, вес — наверное, подойдет.

— Эй, Мухдир, дай ножичек ненадолго, — обратился я к одному из своих сторожей.

— Зачем? — насторожился тот.

— Палочки для еды хочу себе сделать.

— Чего сделать? — не понял тот.

— Потом покажу.

После короткого совещания самый маленький, типа перочинного, ножик мне все-таки дали. Лучник стоял наготове, но я не обращал на него внимания. Быстренько выбрал с десятка подходящих веток, вырезал из них ровные куски сантиметров по двадцать, заострил концы, зачистил. Покачал в ладони — нормально. Сравнительно

тяжелые и острые дротики у меня теперь есть. Чтобы не пугать охрану раньше времени, очень медленно, ручкой вперед, вернул ножичек хозяину, а дротики на манер газырей горцев воткнул себе в куртку в два ряда. Правда, пришлось во время ужина изображать из себя китайца, пытаясь поесть из чашки с помощью двух заостренных палочек, но это уже мелочи, издержки.

Выглядел я и чувствовал себя полным идиотом, но, наверное, примерно так же, если не хуже, считали и все окружающие. Во всяком случае, если я теперь гулял по краю поляны, раскручивая свое «йо-йо» и обдумывая следующие шаги, на меня смотрели уже не с подозрением, а скорее с раздражением. Похоже, звание сумасшедшего я заслужил честно и надолго. Это меня только радовало — контроль за мной заметно ослаб. Это давало некоторую свободу в действиях, но оставалась еще одна проблема — я не знал, как освободиться от кандалов. Дикость и средневековье, но свое назначение они выполняли отлично. В них даже ходить было проблематично, что уж говорить о побеге.

Леди Верона тоже мучилась в ожидании выкупа. Обращались с ней относительно прилично, и однажды я увидел ее с книгой в руках. Не знаю, какая цепочка ассоциаций сработала, но решение пришло мгновенно. Я подошел к ней:

— Леди Верона, позвольте книгу!

Наверное, голос мой был груб, потому что она безропотно подчинилась. Я с интересом оглядел книгу, затем с удовольствием выдрал из нее почти половину страниц.

— Спасибо, леди Верона!

Не обращая внимания на ее взгляд, чуть ли не строевым шагом подошел к костру, собирая по дороге сухие листья, скрутил гигантскую самокрутку и закурил, изображая неземное блаженство. Дымище, воньца...

В этом мире про курение, видимо, не знали, во всяком случае, ни одного из банды с сигаретой или трубкой я не

видел. Сразу узнал много интересного про себя, свою родню и свои перспективы остаться в живых. Я выслушал это совершенно равнодушно и после пятой самокрутки заслужил всеобщее мнение, что я идиот, придурок и все остальное в таком же духе. А также право почти свободно ходить по всему лагерю, зажигать маленький костерок и курить, но только с подветренной стороны. Уже к вечеру следующего дня я сидел у персонального костра, вдали от всех, и старательно дымил очередной самокруткой. А заодно проверял правдивость одного старого тюремного рецепта: если направить очень тонкую струю воздуха сквозь пламя, она якобы превращается в подобие автогена. Главный секрет — в очень тонкой струе воздуха. Пришлось истратить на опыты целую страницу, во рту пересохло от непрерывного облизывания трубочки, но у меня получилось. Не сразу, но получилось. Чтобы дотянуться до цепи, пришлось усесться в некое подобие позы лотоса. Взяв небольшую головешку, поднес ее к своей цепи, а дальше пошли эксперименты: глубокий вдох, плавный выдох через тонкую трубочку. Я и сам чувствовал себя идиотом, мечтающим о невозможном, но примерно с десятой попытки металл цепи в одной точке начал плавиться. Понятия не имею о физике этого процесса, но дело пошло очень быстро — минут через десять я уже разрезал звено. Попробовал разогнуть кольцо — тяжеловато. Пришлось и вторую половинку звена разрезать почти полностью. Теперь оно бы лопнуло от малейшего рывка, но эта маленькая победа стала и новой проблемой — как бы это не случилось раньше времени. Замазав места разреза грязью, стал решать, что делать дальше.

Если по уму, то бежать надо было в ту же ночь — охрана смотрела на меня как на сумасшедшего и следила теперь чисто символически. Но появилась еще одна непредвиденная проблема — я не знал, как относиться к Вероне. В том, что все это массовка, я себя убедил. Поэтому

и смотрел на окружающих как на пустое место. Во всяком случае, была полная уверенность, что ничего они мне не сделают. Гулял где хотел, обходил их как досадное недоразумение. Бандиты это почувствовали и теперь сами старались не попадаться мне лишний раз на дороге. Воспринимали как дурачка, но задираться никто не пытался. А вот Верона... Ее чувства я не понимал. Сначала радость, что я жив, потом недоумение, когда я предложил ее прирезать. Почти ненависть, когда она узнала, что я решил вступить в банду. А последнее время я стал замечать в ее взгляде жалость. Конечно, вид у меня был не парадный, вел я себя последнее время не совсем адекватно, но жалость? За что меня жалеть? Непонятно, но вела она себя не как актриса. А может, как актриса, но которая понимает, какая «роль» мне уготована. Как бы то ни было, но бросить ее здесь одну было неправильно. За нее заплатят выкуп, может, даже родня пришлет отряд на выручку, но просто оставить ее в банде и уйти мне не нравилось — не по-людски как-то... Вот эти сомнения меня и задержали.

Данаор решил все за меня. Громко он не говорил, но слушались его беспрекословно. Не раз ловил его внимательный взгляд, но не придавал этому значения. Ему по должности (даже киношной) положено беспокоиться и просчитывать варианты. Тем более что я убил многих его людей (как они говорят). Письмо с требованием выкупа отправлено, в банду меня не принимают — чего тогда волноваться из-за взгляда какого-то киношного злодея? Но я зря расслабился. В один из дней на поляну привели пару новеньких — парня и девушку. Молоденькие, худенькие, перепуганные. Их бросили на землю и окружили в предвкушении какого-то развлечения. Данаор подождал меня, воткнул старый ржавый меч в землю рядом с молодыми и отошел в сторону.

— Гордан, ты вроде как хотел вступить в банду? Так вот тебе первое испытание — убей этих ублюдков!

Я сначала не понял, потом кровь ударила в голову:

— Данаор, ты ведь знаешь, я воин. В бою я убью не задумываясь, но вот так, безоружных, за неведомую вину... Я не палач!

Данаор усмехнулся:

— А ты привыкай — здесь приказываю я. Скажу землю жрать — будешь жрать. Скажу убить — будешь убивать, не спрашивая причин. Мне надоело кормить тебя бесплатно. Сейчас и увидим, насколько сильно твое желание вступить в банду. А откажешься — убьем и тебя, и этих двоих.

Данаор скомандовал, и парочка бандитов сдвинулась ко мне с обнаженными мечами. По телу короткой волной пробежала дрожь — шутки кончились. Массовка это или нет, но «режиссер» команду «стоп» вряд ли выкрикнет. Ведь именно из-за таких сцен, наверное, и затеялся фильм. Сейчас все и решится. Я медленно пошел к мечу, протянул к нему руку. Сзади сразу послышался звук натягиваемой тетивы. Ну это понятно, стоит мне повернуть меч не в ту сторону, и от стрелы на таком расстоянии не увернуться. Я медленно убрал руку и повернулся.

— Данаор, а не получится так, что я людей угроблю ни за что, шею под топор подставляю, а ты передумаешь?

— Ты сначала сделай, а потом и поговорим. — И взгляд стал совсем нехорошим.

Все, дальше тянуть опасно. Я тяжело вздохнул, сделал вялое движение рукой, как будто хотел вытереть внезапно вспотевший лоб, зацепил парочку дротиков и резко бросил их в лучника. Получилось удачно — один попал тому в глаз, лучник с криком отшатнулся. Воспользовавшись замешательством, быстро использовал остальные дротики. Двое бандитов не успели уклониться и получили дротики в шею. Учитывая, что это были всего лишь обычные веточки, то результат просто отличный.

Мнение обо мне было единодушным и очень грубым. Видя, что я по-прежнему не трогаюсь с места, еще трое

выхватили оружие и двинулись ко мне, расписывая в подробностях, что меня ждет. Когда я достал «йо-йо» и начал раскручивать, возникла короткая заминка, но после команды Данаора бандиты все же бросились. Одному удар пришелся в глаз, второму на обратном движении — в горло. Не смертельно, но на ближайшее время они из боя выбыли. Третий засомневался, притормозил и получил удар в висок. Резким перекатом я оказался рядом с ним, в движении порвал цепь на ногах, выхватил из рук падающего тела нож, меч из ножен и встал в боевую стойку. Шестерым уже было не до боя, трое, судя по их виду, предпочли бы сейчас оказаться в другом месте, но Данаор дал команду, и мы схлестнулись. Без преимущества внезапности бой оказался не таким уж и легким. У всех мечи, ножи, все привычно, отступать некуда. Тем более что бандитов было четверо.

Но это их не спасло. Дрался я с непонятным наслаждением, радуясь каждому удачному удару. Все просто и понятно, вокруг враги, думать не надо.

Последним — кто бы сомневался — я убил Данаора. Он не торопился в бой, предпочитая отправлять вперед подчиненных. Но не из трусости, а скорее выбирая удобный момент. И только когда выбора не осталось, кинулся на меня. Не знаю, каким человеком он был на самом деле, но бился он отчаянно и пощады не просил. И даже умирая, сумел растянуть губы в усмешке, смысла которой я не понял.

Постоял, остывая и приходя в себя. Вокруг снова все залито кровью, валяются тела. Парочка из тех, кого я только ранил, начали вставать. Я засомневался, что же мне с ними делать, потом наткнулся взглядом на полные ужаса глаза молодых, по-прежнему стоявших на коленях среди всей этой кровищи, и сомнения исчезли. В прежней жизни я был обычным городским жителем. Не то чтобы убивать, а просто дать в морду было для меня событием. Но сейчас в душе что-то сломалось. Или изменилось. Это дру-

гой мир, и я уже другой. Спокойно, как будто всю жизнь этим занимался, добил всех раненых.

Отошел немного в сторону, разделся догола и, наверное, час мылся в протекающем невдалеке ручейке, стараясь избавиться от вкуса, запаха крови и чего-то еще, давившего на меня. Вернувшись на поляну, спокойно распотрошил сумки бандитов, собрал более-менее приличный комплект одежды, выбрал себе лучшее оружие, стащил с Данаора почти целую кольчугу. Тут только дошло, что на ногах по-прежнему висят кандалы. Пришлось шарить по карманам Данаора — скорее всего, ключ должен быть у него. Ключ и в самом деле нашелся — простенькое железное колечко, припаянное перпендикулярно стержню. Достаточно было вставить его в отверстие на замке и чуть посильнее надавить, как он распался. Я с интересом осмотрел это произведение местных кузнецов и тихо выругался. Запорный стержень представлял собой толстый гвоздь с широкой шляпкой, а на другом конце была приделана пара пружинящих усиков типа как на рыболовном крючке. Достаточно было вставить стержень в корпус, усики разгибались, упирались в специальный выступ и держали надежно. Колечко сжимало усики, и стержень так же легко вытаскивался. Тьфу! Если у них и остальные замки сделаны по тому же принципу, то есть смысл подумать о карьере вора. Хотя... Замок на кандалах безоружного пленного — это одно, а на сундуке с деньгами явно поставят что-то посерьезнее. Ладно, время покажет.

Уже на выходе с поляны меня остановил возглас Вероны:

- Гордан, по стойте, куда же вы?
- Как «куда»? — не понял я. — Ухожу отсюда.
- А как же мы?
- Что — вы?
- Вы нас бросаете?

Этот простой вопрос поставил меня в тупик. После всего происшедшего я просто не воспринимал Верону и

остальных как живых людей, нуждающихся в защите. Да, при виде стоящих на коленях парня с девушкой во мне что-то сработало, я не смог допустить их смерти. Но сейчас им ничто не угрожало, и я не считал себя им обязанным.

— Опасности больше нет. Я вам не нужен.

— Но по дороге могут встретиться и другие бандиты. Я прошу вас о помощи!

Наверное, несколько минут я молчал, пытаюсь разобраться в своих чувствах, потом мысленно махнул рукой:

— Хорошо, я провожу вас до ближайшего города.

Верона взяла только сумочку с какими-то важными безделушками, а молодым и вообще собирать было нечего. Правда, парень прихватил один из мечей, но держал его словно палку. Я говорить ничего не стал: если ему так спокойнее, пусть таскает. Он собирался утащить и все остальное оружие, даже начал упаковывать огромный сверток, но девушка заметила мой взгляд, что-то ему шепнула, и он сразу отбросил его в сторону.

— А деньги? — вдруг спросила Верона.

— Что «деньги»? — не понял я.

— Как я заметила, вы не взяли ни одной монеты. А в дороге за все придется платить.

— И что вы предлагаете?

Верона смотрела на меня с какой-то жалостью.

— Как это ни неприятно, но придется обыскать трупы и забрать все ценности.

Какая-то логика в этом была. За полчаса я перерыл все и стал обладателем тощего кошелька. Оглядел свой притихший отряд и невольно вздохнул — кино, как я и хотел, получается неинтересным и неромантическим. Вместо возвышенных отношений — кровавые разборки. Только особой радости это не доставляет даже мне. Ладно, отведу женщин в город, который ведь где-то должен быть, а потом что-нибудь придумаю. Тем более что взгляды моих попутчиков мне совершенно не нравились. Парень

смотрел на меня с восхищением, девушка со страхом, а Верона — с жалостью. Хотя чего меня жалеть, я ведь уже не маленький, что выбрал, то и получил.

— Ладно, пора трогаться.

Вероне действительно было жалко Гордана до слез. Последние события превратили красавца и балагура, пытавшегося за ней ухаживать, в угрюмого убийцу. И она не знала, как оценивать его поведение. Его предложение прирезать ее повергло в шок, желание вступить в банду — омерзение, его непонятная игрушка — жалость к новому сумасшедшему. Потом неожиданное превращение казни беззащитных в уничтожение банды. И снова неожиданность — полное равнодушие к вещам и окружающим. Он собрался уходить, не взяв ни монетки! И еще она заметила, что Гордан время от времени начинает поглаживать виски и постанывает, словно от боли. Что же с ним творится? Сражается он великолепно, но что с его головой? Временное помрачение рассудка или он начинает сходить с ума? Оставить его сейчас одного — это как бросить ребенка. Мечом он, может, и умеет махать, а вот в остальном сейчас беспомощен. Нужно хоть немного присмотреть за ним и помочь.

Мистер Эли побарабанил пальцами, задумчиво глядя на экраны. Что-то с этим проектом все идет наперекосяк. Сначала ассистенты проявили излишнюю инициативу, потом какой-то вшивый маг с заштатной планеты изобрел бурду, влегкую восстановившую память объекта, а потом и сам объект повел себя нестандартно. Крики про «кино», разумеется, вырежем. Вернее, сделаем другой, правильный дубляж, что-нибудь вроде обвинений разбойников в подлом поведении. Из непростой ситуации объект выкрутился, но пока неясно: слова про то, что он хочет стать плохим, — только игра или он и в самом деле хочет вести себя именно так, руша весь сценарий?

По идее, надо прекращать неудачно начавшийся проект, но самому становится интересно, что же будет дальше. Ладно, снимаем еще немного...

Где мы вообще находимся и куда идти, я не имел ни малейшего представления. От поляны уходило несколько тропинок, одна вела, видимо, к ручью. Во всяком случае, с той стороны приносили воду. Вторая — к небольшому оврагу, превращенному в общественный туалет. Была еще пара тропинок, но натоптанная — только одна. Раз часто ходили, значит, там что-то есть. Так что особого выбора и не было. Шел я не быстро и не медленно. Спешить некуда, конкретной цели нет, можно не торопиться. Темп оказался приемлемым и для моего отряда. Во всяком случае, женщины раскраснелись от ходьбы, но не задыхались от усталости.

Тропинка петляла между деревьями, делая неожиданные зигзаги и повороты. Кругом обычный лес с обычными звуками. Но не прошли мы и пары километров, как на очередном повороте из кустов вышли двое мужиков. Оба с короткими мечами, у одного лук наготове. Морды знакомые, и я запоздало сообразил, что это, видимо, дозор, охранявший подступы к лагерю.

Мужики смотрели настороженно, но не испуганно. Наконец один из них протянул:

— И кто же это разрешил вам гулять так далеко от лагеря, да еще и с оружием?

Драться совершенно не хотелось. Скорее, внутри ощущалось какое-то равнодушие. Я невольно передернул плечами на этот дурацкий вопрос:

— Некого было спрашивать — я всех убил.

Мужики переглянулись.

— А это мы сейчас быстро проверим. Разворачивайтесь и топайте в лагерь! — Лучник многозначительно натянул лук до упора, целясь мне в грудь.

Я снова передернул плечами:

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДОРОГА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ	5
Часть вторая. СТОЛИЦА	105
Часть третья. ЛЮБОВЬ ПО ПРИКАЗУ	153
Часть четвертая. ХРАНИТЕЛЬ	208